

И.И. ТИХОМИРОВА,
Санкт-Петербургский университет культуры и искусства

УСЛОВИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА ЧТЕНИЯ

Согласно словарю-справочнику американского психолога Майка Кордуэлла терапия — любой процесс, помогающий человеку преодолевать его психологические проблемы (3). В нашем случае — помогающий ребенку средствами книги и чтения, а точнее — художественной литературы как вида искусства.

Как утверждает и обосновывает свое утверждение автор книги «Душевное здоровье и поэзия» психолог Ольга Даниленко, у поэзии (а я думаю, что и у всей художественной литературы) есть три дара людям: способность выводить за пределы эмпирической реальности в мир духовных сущностей и ориентиров, давать знания чужого опыта душевной жизни, внушать то или иное настроение (3).

Примечание:

Хотелось бы сразу сказать, что возможности книги и чтения как терапевтического средства очень мало осознаны нашим обществом. В известных телевизионных передачах, таких как «Моя семья», «Что хочет женщина», нацеленных на психологическую поддержку населения, книга не используется ни в качестве примеров жизненных ситуаций, ни в поисках путей их разрешения, ни как аргументы или как открытие глубинных жизненных закономерностей и смыслов. За советом обращаются к «Марии Ивановне», а не к Шекспиру, не к Толстому, не к Чехову, раскрывшим в типичных ситуациях и с гуманистических позиций тайны и сложности взаимоотношений людей. Отсутствует обращение к книге и в молодежных передачах. Не вспоминают о целебных свойствах чтения и в дни общественных бед. Так, чтобы облегчить страдания людей, связанных с захватом заложников в Москве и последующим актом освобождения, специалисты — медики и психологи — советовали обращаться к психотерапевтам, к друзьям, к успокаивающим лекарствам и многому другому, но

только не к искусству и не к чтению. Поэтому так важно поддерживать детскую библиотеку, которая почти в одиночку пробирает путь книги в сознание растущего человека, помогает через чтение обеспечить душевное здоровье своих посетителей.

Как эти дары реализуются, она, О. Даниленко, показала на примере рассказа А. Битова «Сад» (1). **Страстно влюбленный юноша страдал от ревности из-за обмана своей любимой девушки. Спасла его от порабощения этим чувством старинная книга, попавшая к нему в руки. В ней он обнаружил одухотворенные рассуждения о могучей силе любви, распоряжающейся судьбами людей. Идея, выраженная в книге, поразила его, он осознал неправоту своего ревнивого поведения. Хотя чувство ревности после чтения не исчезло, но была подсказана спасительная возможность смирения с тем, что он нелюбим, возможность добровольной жертвы, необходимость «отстрадать» для залечивания своей душевной раны.**

Другой пример благотворного влияния книги, изменившего внутреннее состояние человека, мне вспомнился из **биографии Ивана Бунина** (2). Когда он был еще юношей, у него умер любимый дядя. При виде мертвого тела, лежащего на столе, мальчику стало страшно. Когда он вышел на крыльцо, мир показался ему черным, черны были и его мысли: «Зачем жить? В чем смысл всего сущего, если надо умирать? Почему так жестоко устроен мир?» В полной безысходности он двигался по направлению к дому, полагая, что уже никогда в его душе не поселится радость. Но почему-то неожиданно вспомнилось ему начало «Вильгельма Телля». «Я — пишет он, — перед тем читал Шиллера — горы, озеро, плывет и поет рыбак... И в душе моей вдруг зазвучала какая-то несказанно сладкая, радостная, вольная песня каких-то далеких, несказанно счастливых стран» (2; 93). Как видим, руку спасения юноше протянул Шиллер, перенес его внимание с собственных переживаний на вечную жизнь природы и мироздания.

Однако жизнь показывает, что не всякий человек способен ощутить на себе целительное воздействие книги. Каким бы мощным терапевтическим потенциалом ни обладала литература, если она не читается, ее влияние сводится к нулю. Для нечитающего ребенка книга — мертвая груда бумаг, упакованная

в обложку, — не более. В ситуации SOS детского чтения, какая наблюдается в нашей стране сегодня, рассчитывать на массовый терапевтический эффект от него не приходится. Чтобы книга в этом плане функционировала, надо как минимум, чтобы ее читали. Преодоление детского читательского негативизма — основополагающее условие, определяющее психологическую, воспитательную, духовно-нравственную действенность искусства слова. Там, где нет чтения, — нет места и библиотерапии.

При всей важности чтения, сам факт его еще не решает проблемы. Чтобы книга влияла на читателя, надо, чтобы он был готов к восприятию той целительной силы, которая в ней заложена. Душевная предрасположенность, способность читателя откликаться на голос автора, на судьбы персонажей — важнейшая предпосылка позитивного влияния книги. Если душа ребенка в момент чтения молчит, бесполезно писателю стучаться в нее. Показателен в этом отношении рассказ Ф. Искандера «Авторитет» (4). Герои рассказа — отец, заслуженный ученый, многим обязанный своими достижениями книгам, и его нечитающий сын-шестиклассник. Оба приехали на дачу и решили провести там несколько дней. Пользуясь свободными днями, отец решил приохотить школьника к чтению. Видя, что тот не хочет читать сам, отец взялся читать ему вслух пушкинский рассказ «Выстрел». Читал с волнением и выразительностью. Однако книга явно не понравилась подростку: «Это для меня слишком рано», — сказал он. Тогда была взята другая, более воинственная, «Хаджи-Мурат» Толстого. Но и она ничего не всколыхнула в душе мальчика. Даже смерть Хаджи-Мурата не тронула его. Решив, что лучше для начала надо взять что-то смешное, отец открыл том Ильфа и Петрова, но оказалось, что и «Золотого теленка» и «Двенадцать стульев» ребенок видел по телевизору и читать, по его мнению, эти произведения нет необходимости. Налицо перед нами так называемый «синдром нарушенного восприятия» у подростка, когда атрофирована работа воображения в ответ на слово, нет эмоционального резонанса на судьбу героев, исключены ассоциативные связи между читаемым произведением и жизнью, не происходит «эффекта узнавания». Короче говоря, шестиклассник продемонстрировал неспособность воспринимать художественный текст.

Формальный смысл он улавливал. «Он не улавливал, — пишет Искандер, — того очаровательного перемигивания многих смыслов, которые дает настоящий художественный текст и в который автор вовлекает благодарного читателя».

Не будем касаться причин этого явления — это особый вопрос (*об этом «особом вопросе» пойдет разговор в следующей статье; автор — Оксана Кабачек*).

Скажем только: чтобы книга влияла на читателя, надо развивать его читательские способности с раннего детства, активизировать образное мышление, помогать воспринимать символическую природу художественного произведения, увязывать книгу с жизнью. Только при этом условии можно рассчитывать, что книга сможет поддержать ребенка в трудную минуту, создать позитивный фон его жизнедеятельности.

Предположим, однако, что ребенок читает и способен воспринимать прочитанное, но при этом мотивы чтения его прагматичны. Он читает преимущественно по школьному заданию и его цель — выполнить то, что ему «велели». Результат чтения как вида учебной деятельности известен: «воспроизвести и забыть». Может ли в этом случае книга самопроизвольно оказать влияние на регуляцию его мыслей, чувств и поведения? Если и бывают такие случаи, то они — исключение из правила, которое хорошо сформулировала одна семиклассница: «Книги — книгами, а жизнь — жизнью».

Чтобы исключение стало правилом — обязательным компонентом чтения ребенка должен стать личностный смысл, когда движущей силой к общению с книгой является не ненавистное «надо», а радостное «хочу». Как этого достичь? Ответить на этот вопрос мы попытались в ряде статей, к которым и отсылаем читателей (8). Скажем здесь только о роли идентификации в процессе чтения — частичном или полном отождествлении читателя с героем или автором литературного произведения. Идентификация сближает читателя с книгой и содействует переносу читаемого произведения на себя. Рассказывая о судьбе героя, талантливому писателю удается выразить мысли и чувства читателя, воплощенные в живом образе или в точно найденном слове.

Интересный пример такого рода дан в повести В. Тендрякова «Весенние перевертыши». Дюшка Тягунов — тринадцатилет-

ний подросток, питающий неясное чувство к однокласснице Римке Бретеновой и не способный разобраться в нем, читая Пушкина, натолкнулся на слова: «Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна».

Они обожгли его открытием: стихи, обращенные к Н. Гончаровой, выразили то, чем наполнено было его собственное сердце, но не находило словесного выражения.

Чужое перо нашло слова, упорядочивающие смутные порывы и стремления читающего подростка. Идентификация дала возможность читателю заглянуть в глубины своей души, осознать их и выразить в слове.

Примеряя роль литературного героя на себе, как и себя представляя в роли персонажа, читатель усилиями души извлекает из своего сознания новый мир неведомых ему доселе мыслей и чувств, совершает открытие в себе тех внутренних резервов, о которых и не подозревал.

В идентификации надо различать две стороны: внешнюю и внутреннюю. Чем выше читательская культура человека, тем важнее для него внутренняя сторона — духовная связь с героями и авторами. Найти сходство, усмотреть взаимосвязь там, где, казалось бы, ее никто не видит, может только талантливый читатель. «Если идентификация узка, — пишет психолог Оксана Кабачек, — если читатель признает родственными, сходными ситуации, возраст, пол, национальность, социальное поло-

жение, профессию и много другое, то возможность обогащения своего внутреннего мира с помощью чужого опыта и осознания отношения автора к этому опыту, этой судьбе ограничена» (5; 132). Ограниченной оказывается и степень библиотерапевтического влияния чтения.

Следовательно, **одной из важных предпосылок оздоровительного влияния книги на читателя является культура творческого чтения, т.е. способность проникать в текст, в подтекст и в контекст читаемого произведения**, идти от идентификации внешней к идентификации внутренней, за видимостью находить сущность.

Определенное влияние на реализацию терапевтической функции чтения оказывает также общая начитанность человека. Чем больше опыт чтения, тем больше диапазон косвенного жизненного опыта, полученный из книг, массив познанных и пережитых ситуаций и обстоятельств жизни, характеров и моделей поведения людей, картин их внутренней жизни.

Мозг читателя становится своего рода складом воспоминаний и образов. При сходстве с реальными жизненными ситуациями они извлекаются из памяти и организуют мысль читателя, его эмоциональное состояние в нужном направлении. Так, начитанность Горького в детские годы дала ему точку опоры в жизни и основание для оптимистичного вывода: **«Я не один на свете и не пропаду».**

До сих пор мы говорили о читательских качествах, предопределяющих терапевтический эффект чтения. **К ним можно присоединить и чисто человеческие качества: способность к сопереживанию с другими людьми, тонкость чувств, терпимость, стойкость характера, доброта, волевые усилия в преодолении трудностей, т.е. уровень его духовно-нравственного воспитания в целом.**

Сама по себе воспитанность человека регулирует его действия и поступки. Процесс психологической поддержки ребенка средствами книги и воспитание его как личности — эти явления неразрывно связаны между собой. **Чем больше ребенок черпает жизненной энергии из книги, тем богаче становится его духовный мир**, который, в свою очередь, развивает интериоризирующие возможности восприятия.

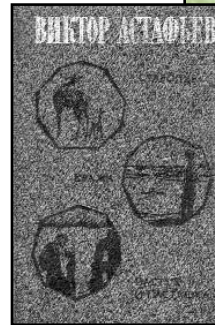
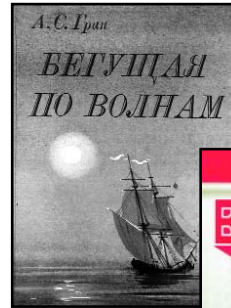
Но не только от читателя зависит облагораживающее влияние чтения, оно напрямую зависит и от книги, ее качества. Исследование «Незабываемые книги детства», проведенное в Петербурге в 2001 году среди студентов, библиотекарей и старшеклассников, показало, что не забылись лучшие произведения детской литературы, входящие в ее классику.

В общий список вошло примерно сто книг, составивших золотую библиотеку детства. Среди них книги отечественных авторов и зарубежные, книги предвоенных, военных и послевоенных лет, сказки и стихи, повести и рассказы.

В репертуаре раннего чтения высокий рейтинг получили «Рассказы о животных» Сетона-Томпсона, сказка Ф. Зальтена «Бемби», А. Волкова «Волшебник Изумрудного города», Киплинга «Маугли», «Детство Темы» Гарина-Михайловского, «Лев и собачка» Л. Толстого и др.

Из подросткового чтения добрым словом вспоминаются книги Александра Грина, Валентина Каверина, Виктора Астафьева, Федора Абрамова, Валентина Распутина, Радия Погодина.

Всех их объединяют гуманность, доброта, высокий нравственный потенциал, способный гармонизировать внутренний мир читателя. Во всех них есть опоры, соответствующие объективной реальности — правде мира и человека.

Сочетание высокой художественности и высокого идеала делают произведения убедительными и тем самым жизнеутверждающими даже при изображении негативных явлений. Классические произведения подготавливают человека к жизненным испытаниям, обостряя его психологическую зоркость и одновременно возвышая его.

Говоря о возможности лучших художественных произведений спасти человека от губительного пути, особо следует подчеркнуть значение для юных сердец тех произведений, которые учитывают их способность имитировать поведение персонажей, подражать тем, кто нравится. С помощью механизмов имитации, говорит известный психолог П. Симонов в своей книге «Мотивированный мозг», осуществляется интериоризация социальных норм, которая превращает внешние нормы во внутренние регуляторы поведения, именуемые совестью, чувством долга, зовом сердца (7).

Вот почему в юношеском возрасте большое значение имеют книги, овеянные романтикой, имеющие свою условную символику, жизненные девизы, такие, например, как девиз Сани Григорьева («Два капитана» В. Каверина) «Бороться и искать — найти и не сдаваться», или девиз мальчишек «Отвага, верность, труд, победа» из повести Л. Кассиля «Дорогие мои мальчишки».

Они оказали в свое время положительное воздействие на целые поколения молодых людей. Имитацией можно объяснить и огромное влияние на детей книги «Тимур и его команда».

Позитивным значением романтики для подростков можно объяснить и долгую жизнь произведений В. Крапивина.

Говоря о влиянии литературных произведений на душу ребенка, нельзя обойти вниманием поэзию. Многие стихи, даже написанные сотни лет назад, запечатлевшие силу духа поэта, величие страдания ради другого, отрешенности от всего мелкого, повседневного, способны оказать целебное воздействие на человека, иногда более сильное, чем целые тома прозы.

Не случайно свою книгу «**Душевное здоровье и поэзия**» **О. Даниленко** открывает эпиграфом Пушкина: «**Поэзия, как ангел-утешитель, спасла меня, и я воскрес душой**». Многие из тех стихов, которые собраны автором во второй части ее книги «**Антология поэтических произведений, обладающих психопрофилакти-**

ческим потенциалом», могут быть рекомендованы и детям. Обращение к ним, глубокое «прочувствование» способно, как говорится в предисловии к книге, заменить и психологов, и знахарей, и колдунов.

Но есть и другие книги, оказывающие на психику читателя не только неблагоприятное, но разрушающее влияние. Речь идет о некоторых произведениях массовой литературы (ужастики, мистика, примитивные детективы), спекулирующей на темах жестокости и насилия, огрубляющих чувства, внедряющих в сознание ребенка легкомысленное отношение к страданиям и смерти, к ценностям жизни вообще. Они особенно деморализующее воздействуют на подрастающее поколение, вызывая состояние угнетенности, страха, агрессивности, рождая чувство хаоса и дисгармонии.

Исключить их волевым усилием из репертуара чтения ребенка нельзя. Но можно противопоставить им полноценную гуманную литературу. В свои права должна вступить рекомендательная библиография и весь арсенал средств, направленных на раскрытие ребенку жизнеутверждающего, возвышающего потенциала лучших произведений художественной литературы. И здесь перед детской библиотекой встают глобальные по своей культурной значимости задачи. И эта ее гуманистическая миссия может стать судьбоносной для новых поколений детей и будущего России.

1. Битов А. Сад // Жизнь в ветреную погоду: Повести, рассказы. — Л: Худож. лит. — 1991. — С. 191–247.
2. Бунин И. Жизнь Арсеньева // Бунин И. Жизнь Арсеньева. — М.: Сов. Россия. — 1991. — С. 93.
3. Даниленко О.И. Душевное здоровье и поэзия // Даниленко О.И. Здоровье души и поэзия. — СПб: Стройлеспечать, 1996. — С. 44.
4. Искандер Ф. Авторитет // Новый мир. — 1996. — № 11. — С. 5–11.
5. Кабачек О.Л. Сказка в век компьютера. — М.: Либерия, 2001. — 208 с.: ил.
6. Кордуэлл М. Психология. А — Я. Словарь-справочник / Пер. с англ. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. — 336 с.
7. Симонов П. Мотивированный мозг. — М.: Наука, 1987. — 266 с.
8. См.: Тихомирова И.И. Интерес к чтению: как его пробудить? // Школьная библиотека. — 2001. — № 6. — С. 14–18; Стимулы и мотивы чтения // Школьная библиотека. — 2002. — № 5. — С. 22–24; Чему учить, обучая ребенка чтению? // Начальная школа: до и после. — 2002. — № 8. — С. 23–28.